

О ХАРАКТЕРЕ И ЭТАПАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ПОЛЬШЕ В 1944—1948 ГОДАХ

И. С. Яжборовская

Развитие революционного процесса в Польше, развернувшегося в последний год второй мировой войны, было органически связано с деятельностью Польской рабочей партии (ППР). Как указывал на VI съезде Польской объединенной рабочей партии Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, в годы борьбы польского народа против гитлеровской оккупации «связь с прогрессивными традициями народа, глубокая верность принципам марксизма-ленинизма и тесная связь с рабочим классом позволили ППР в тогдашней трагической для народа ситуации впервые в истории польского рабочего движения неразрывно объединить в своей программе борьбу за национальное освобождение с борьбой за освобождение социальное, выработать единственно правильную концепцию освобождения польского народа из гитлеровской неволи и возрождения Польши на новых, демократических общественных началах, опираясь на союз и помощь Советского Союза»¹.

Проблема характера и этапов революционного процесса в Польше была поставлена ППР еще в период освобождения страны от германского фашизма. На первом после освобождения общепольском совещании ППР, где обсуждался вопрос о характере власти, о расстановке классовых сил, подчеркивалось, что новая власть опирается на широкий демократический фронт народа при руководящей роли рабочего класса и его партии². Целостную концепцию характера революционного процесса в тот период дал I съезд ППР в декабре 1945 года. В отчетном докладе ЦК съезду указывалось, что в Польше утвердилась народно-демократическая власть, что в ходе революционного процесса решаются специфические задачи — задачи последовательной демократизации всех областей жизни страны. Вместе с тем, хотя союзниками на данном этапе назывались либерально-крестьянские и даже либерально-буржуазные силы, которые должны были помочь в разгроме реакционно-фашистского лагеря, съезд ориентировал в перспективе на мирное перерастание народно-демократической революции в социалистическую. Основой для такого перерастания в области базиса съезд считал национализацию промышленности и банков, на которую он и нацеливал, акцентируя ее антимонополистический характер. В отчетном докладе подчеркивался антифашистский, демократический, антиимпериалистический характер тогдашнего этапа, одновременно указывалось, что условием перехода к решению социалистических задач является также преобразование надстройки: «укрепление политической власти и государст-

¹ «VI съезд Польской объединенной рабочей партии. 6—11 декабря 1971. Основные материалы и документы». М. 1972, стр. 91.

² «Zagry historyi polskiego ruchu robotniczego. 1944—1947». Warszawa. 1961, s. 30—31.

венного аппарата элементами последовательно демократическими»³. Таким образом, I съезд ППР применил в новых условиях ленинскую теорию перерастания революции демократической в социалистическую, указания В. И. Ленина о богатстве форм и многообразии путей, ведущих к социализму⁴.

Вопрос о характере и этапах революционного процесса в народной Польше поднимался и на II съезде ПОРП в 1954 году. В отчетном докладе ЦК съезду речь шла о двух этапах народно-демократической революции в Польше — об «этапе революционно-демократических преобразований» и «этапе преобразований социалистического типа», о том, что трудно провести между ними четкую границу, а «перерастание... составляло целый период». В докладе говорилось о перерастании государства народной демократии в государство диктатуры пролетариата и указывалось на необходимость разработки всей этой проблематики, опираясь на ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, на указание В. И. Ленина о том, что одного взятия власти мало и необходимо завоевать большинство трудящихся и т. д.⁵.

В последнее десятилетие исследование революционных процессов 1944—1948 гг. польскими учеными основывается уже на результатах конкретно-исторического анализа. Если в 50-е годы широкое распространение получила концепция о «социалистическом содержании» народно-демократической революции, выведившаяся, в частности, из того факта, что сразу после освобождения значительная часть польской промышленности перешла в руки государственной администрации (в этом усматривали качественную ломку формы собственности, лишь закрепленную в январе 1946 г. законом о национализации)⁶, то детальное изучение этого явления позволило иначе трактовать темпы революционных преобразований в основных элементах общественно-экономической формации, прежде всего в области производительных сил, а также в экономическом строе.

Как показали исследования, война привела к далеко идущим изменениям в экономической и социальной жизни Польши. Они проявились в замораживании развития производительных сил, в массовом уничтожении средств производства и рабочей силы, в видоизменении отношений собственности и ускоренной концентрации производства в ряде отраслей. Политика оккупационных властей была направлена на ликвидацию польского промышленного потенциала. Эвакуация, демонтаж и разрушение предприятий привели к тому, что было уничтожено 38% национального достояния⁷. Довоенные экономические показатели были достигнуты только в военной промышленности, которая развивалась за счет отраслей, обслуживавших потребности гражданского населения. Интенсивно шел процесс принудительной ликвидации польской собственности, германский капитал вытеснил польский из крупной промышленности, началось наступление германских властей на среднюю промышленность, на ремесло и торговлю, на крупных, а также мелких и средних польских землевладельцев. К концу войны в Польше произошла значительная концентрация производства и централизация управления экономикой⁸.

³ «Głos Ludu», 8, 9.XII.1945.

⁴ «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. 1944—1947», s. 210.

⁵ Б. Берут. Отчетный доклад Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии II съезду партии. М. 1954, стр. 6—8, 17—18.

⁶ См. А. Burda. Kilka uwag w kwestii etapów rozwoju demokracji ludowej w Polsce. «Państwo i prawo», 1954, № 4; Т. Filipiak. O rozwoju rewolucji ludowej w Polsce (charakter i zadania władzy ludowej w latach 1944—1947). Ibid., 1959, № 16, и др.

⁷ «Straty wojenne Polski w latach 1939—1945». Poznań—Warszawa. 1960, s. 47.

⁸ См. Cz. Madajczyk. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. T. I, II. Warszawa. 1970.

В статье Г. Ендрушак, предваряющей двухтомную публикацию «Обобществление и восстановление промышленности в Польше (1944—1948 гг.)», указывается на разрушение довоенной структуры польской промышленности в годы оккупации, на принудительную централизацию промышленности, экспроприацию и даже уничтожение части польской буржуазии, создававшие социально-экономические предпосылки ускорения процесса национализации⁹. Однако Г. Ендрушак далеко от того, чтобы выводить из этого упрощенную схему социально-экономических преобразований. Наоборот, она показывает, что перед страной стояла противоречивая и сложная задача восстановления разрушенной экономики, а немедленное обобществление производства провести было невозможно в первую очередь, как подчеркивает Е. Павлович, ввиду существовавшей расстановки классовых сил¹⁰, несмотря на переход части промышленности во временное государственное управление¹¹. Первоочередную задачу народная власть в период освобождения страны видела в спасении польской промышленности от окончательного разрушения ее оккупантами, а затем в ее восстановлении, при этом участие рабочего класса в сохранении средств производства становилось важным элементом национально-освободительного движения, что, в свою очередь, усиливало антиимпериалистическое, антифашистское движение. Однако активизация рабочего класса в тот период сама по себе еще не означала развертывания социалистической революции, тем более что рабочий класс в значительной степени потерял свою классовую организованность, большая часть его была оторвана от производства и распылена.

Как подчеркивают исследователи, народная власть в начальный период ориентировалась на то, что «в Польше нельзя сразу строить социализм», что «в настоящий момент важнейшие и самые срочные задачи сконцентрированы вокруг возрождения хозяйственной жизни»¹². С. Завадский в статье «Характер и этапы развития народно-демократической революции в Польше», анализируя содержание Манифеста Польского комитета национального освобождения (июль 1944 г.), указывает, что этот документ дает полное представление о характере задач, которые на данном этапе решала революция. Главным было сплочение польского народа для борьбы с фашизмом, для спасения польского народа от истребления, а польской экономики — от разрушения. Манифест провозглашал курс на последовательную демократизацию всех областей жизни страны, в том числе и в сфере аграрных отношений. На этом этапе социально-экономическое содержание революции, то есть ее вторжение в сферу производственных отношений, в основном ограничивалось последовательно демократическим решением аграрного вопроса, ликвидацией остатков феодализма. В области промышленности «преобладали задачи, связанные с восстановлением и возрождением экономической жизни»¹³. Под управление народно-демократического государства перешли находившиеся во время войны в руках оккупантов национализированные ранее, до войны, отрасли экономики.

⁹ См. также J. Pawłowicz. Polityka PPR w kwestii nacjonalizacji przemysłu w Polsce. «Polska Ludowa. Materiały i studia». Т. VI. Warszawa. 1967, s. 112.

¹⁰ Ibid., s. 113.

¹¹ «Upaństwowienie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944—1948)». Т. I. Warszawa. 1967, s. 22 (далее — «Upaństwowienie»).

¹² Цит. по: K. Kersten. Polski Komitet Wyzwolenia narodowego. Warszawa. 1965, s. 131.

¹³ S. Zawadzki. Charakter i etapy rozwoju rewolucji ludowo-demokratycznej w Polsce. «Z pola walki», 1966, № 4, s. 21; см. его же. Niektóre problemy rozwoju rewolucji ludowo-demokratycznej w Polsce. «Myśl filozoficzna», 1954, № 2, s. 23. В литературе, правда, встречается утверждение, будто, «не имея социалистического характера, аграрная реформа расширила и укрепила в сельской экономике социалистические элементы» (см. W. Górska. Przemiany rewolucyjne i walka o utrwalenie władzy ludowej w Polsce. «Rewolucja i władza ludowa w krajach europejskich 1944—1948» (далее — «Rewolucja i władza ludowa»). Warszawa. 1972, s. 238.

Национализировалось немецкое имущество, во временное государственное управление переходили предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу, конфискованные оккупационными властями предприятия местных капиталистов, банки, транспорт, леса. Однако в Манифесте прямо указывалось, что собственность будет возвращена крестьянам, ремесленникам, купцам, хозяевам мелких и средних предприятий и т. д. «Как Манифест,— констатирует С. Завадский,— так и ряд изданных позднее юридических актов, подчеркивали антиимпериалистический и антифеодальный, но еще не антикапиталистический характер переворота. Не созрели еще полностью ни объективные, ни субъективные предпосылки... для придания революции социалистического характера»¹⁴.

В. Гура в отличие от С. Завадского, К. Керстен, Г. Ендрушак и М. Турлейской утверждает, будто национализация проводилась с момента освобождения. Из этого положения, а также из персонального состава органов государственной администрации, созданных на первом этапе существования народной власти, он делает вывод о социалистическом характере социально-экономических преобразований, отрицая при этом определяющее значение объективных задач, решаемых революцией, а также реальную расстановку классовых сил. При этом он исходит из того, что «может сложиться такая ситуация, когда страна, стоящая в принципе перед демократической революцией, в результате особого соотношения сил, которое сформируется после завоевания власти трудящимися массами, будет с самого начала решать задачи социалистической революции»¹⁵. С. Завадский справедливо отмечает, что В. Гура недооценивает важность формирования политической армии пролетарской революции в Польше, что он допускает неточности в разграничении требований демократических и социалистических, что он склонен отождествлять антифашистские, антимонополистические требования с требованиями антикапиталистическими, утверждая при этом, что различия между ними «не имеют принципиального значения»¹⁶.

Как показала Г. Ендрушак, перевод значительной части промышленности во временное государственное управление «сам по себе еще не предрешал вопроса о социалистическом характере государственной собственности в промышленности»¹⁷, что в первый период государственный аппарат не мог еще наладить контроль над экономикой и в рамках этого управления даже начали восстанавливать свою деятельность некоторые предвоенные картели. Г. Ендрушак пишет, что «вряд ли правомерно рассматривать государственный сектор в промышленности 1944—1945 гг. как сектор социалистического характера», что это была «переходная форма от капиталистической к социалистической организации общественного производства в промышленности»¹⁸, близкая к госкапитализму. Временное государственное управление промышленностью не означало немедленной «отмены», коренной ломки прежних производственных отношений в промышленности, одномоментного переворота в способе производства — оно было лишь началом, созданием благоприятных условий для разрывания революционной ломки старых производственных отношений. Это была первая атака на экономические основы старой формации, за которой должны были последовать другие.

Ход и темпы развития революционного процесса зависели прежде всего от расстановки классовых сил. С. Завадский справедливо напо-

¹⁴ Ibid., s. 23—24.

¹⁵ W. Górra. O charakterze i rozwoju rewolucji ludowo-demokratycznej w Polsce. «Z pola walki», 1968, № 2, s. 177, 162.

¹⁶ W. Górra. Niektóre zagadnienia rewolucji ludowej w Polsce. «Państwo i prawo», 1964, № 7, s. 36.

¹⁷ «Upaństwowienie», s. 15.

¹⁸ Ibid., s. 17.

минает важное положение, содержавшееся в Отчетном докладе ЦК ППР ее I съезду: «Развитие отношений в направлении укрепления народной демократии и расширения национализированного производства возможно только тогда, когда две первые группы демократических сил (силы, которые считают социализм своей конечной целью, и либерально-крестьянские и либерально-буржуазные силы.— И. Я.) будут взаимодействовать друг с другом и бороться против элементов третьей группы, то есть против реакционно-фашистских элементов. В случае, если бы такое сотрудничество и совместная борьба против реакционно-фашистских элементов оказались бы невозможными, а демократические силы первой группы оказались бы слишком слабыми для ликвидации реакции, тогда развитие должно было бы принять обратное направление и привести к восстановлению политических прав реакции, а вслед за тем и к восстановлению ее власти»¹⁹.

Принятие закона о национализации основных средств производства 3 января 1946 г. в настоящее время рассматривается уже не как завершение процесса ломки отношений собственности. Г. Ендрушак доказывает, что национализация «не была одноразовым актом, а также бесконфликтной реализацией программных установок», что это был «продолжавшийся несколько лет процесс, темпы и объем которого менялись, причем он сопровождался столкновением многих концепций национализации и различных предложений, касающихся модели польской социалистической экономики»²⁰. Практическое проведение закона в жизнь растянулось почти на три года, развернувшись в полном объеме в конце 1946 года. Оно заложило «прочные основы для дальнейшего развития народно-демократической революции в социалистическом направлении»²¹. Темпы переворота в экономических отношениях зависели от оформления новой системы политических и правовых учреждений и расширения массовой базы демократического блока. В ходе социально-политического развития уточнялись принципы и методы проведения закона о национализации в жизнь. Основная масса предприятий была национализирована в 1948 году. В мае 1947 г. развернулась «битва за торговлю», ее результатом был переход в руки государства ключевых позиций в оптовой и розничной торговле. В 1948 г. главная экономическая задача социальной революции пролетариата — экспроприация буржуазии — была решена в Польше полностью.

Немалые споры среди польских историков вызывает вопрос о характере политической революции, развернувшейся в период освобождения страны, оценка расстановки классовых сил, существа народно-демократической власти. С. Завадский указывает, что выяснению этих вопросов долго препятствовала существовавшая у польских ученых неясность относительно того, какие критерии следует применять, чтобы отличить этап народно-демократических преобразований от этапа социалистических преобразований, чем именно революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства отличается от диктатуры пролетариата, что значит «делить власть» — «можно ли это отождествлять с участием представителей антисоциалистических сил в правительстве»²². В. Гура, сторонник концепции об установлении диктатуры пролетариата в Польше сразу, в ходе освобождения, с созданием ПКНО²³, признает, что руководство ППР в тот период исходило из того, что народная демократия не равнозначна диктатуре пролетариата и является «только ступенью, которую рабочий класс еще должен будет пройти, собрав под своим руководством широкие слои трудового народа и реализовав

¹⁹ «Z pola walki», 1966, № 4, s. 20.

²⁰ «Upaństwowienie», s. 9.

²¹ J. P a w ł o w i c z. Op. cit., s. 120.

²² «Z pola walki», 1966, № 4, s. 11.

²³ «Rewolucja i władza ludowa», s. 228, 236, 245.

предварительные демократические требования», что это была «не полностью еще сформировавшаяся» диктатура пролетариата²⁴. Но тем не менее он считает возможным базироваться на следующей теоретической формуле: «После свержения власти буржуазии устанавливается диктатура пролетариата»²⁵.

В «Очерках истории польского рабочего движения» давалось следующее определение характера народно-демократической власти в первые годы ее существования: «Реализуя на первом этапе в основном демократические задачи, она была выражением гегемонии пролетариата в народно-демократической революции, являющейся своеобразной формой диктатуры пролетариата и крестьянства, и вместе с тем переходом к диктатуре пролетариата согласно ленинской теории перерастания революции»²⁶. Этой концепции в целом придерживается и С. Завадский, подчеркивающий, что «в первой народно-демократической фазе диктатура пролетариата только еще формировалась»²⁷, что «народная власть в тот период есть зачаточная стадия диктатуры пролетариата, переходная ступень к диктатуре пролетариата», что «она готовит ее условия и перерастает в нее»²⁸, что нельзя отрывать программу революции от ее объективных задач и движущих сил. Основываясь на ленинском указании, высказанном в связи с определением задач Парижской коммуны, о том, что в отличие от социалистической диктатуры возможна диктатура демократическая, реализующая программу-минимум²⁹, С. Завадский видит аналогию этого явления в Польше. «Демократическая диктатура, — пишет он, — это в свете работ Ленина — власть, объединяющая революционные силы под руководством рабочего класса на почве демократических требований, при опоре на пролетарскую программу-минимум. Эти демократические (еще не социалистические) задачи могут носить не только антифеодальный, но и антиимпериалистический, антифашистский характер. В этом же втором случае это не есть «диктатура пролетариата и крестьянства», о которой писал Ленин (с острием прежде всего антифеодальным), но «демократическая диктатура» с острием прежде всего антиимпериалистическим, антифашистским. В свете исторического опыта можно утверждать, что «диктатура пролетариата и крестьянства» — это только одна из многих возможных форм «демократической диктатуры», это только одна из многих возможных переходных ступеней на пути к диктатуре пролетариата, но отнюдь не единственная».

Переходя к характеристике существа народной власти в Польше, С. Завадский высказывает следующие соображения: «Народно-демократическая революция в Польше (может быть, в еще большей степени, чем в других странах) выходила за пределы буржуазно-демократической революции. Равным образом власть, которая оформилась уже в первый период своего существования, была значительно более близким подходом к диктатуре пролетариата, чем мог это предвидеть Ленин, формулируя теорию перерастания. Народно-демократическая власть в Польше с самого начала была не только «чем-то вроде», но чем-то значительно более близким к диктатуре пролетариата, чем «диктатура пролетариата и крестьянства» в понимании Ленина. Направляя свое острие против империализма, народно-демократическая революция серьезно приближалась к революции социалистической»³⁰. Вместе с тем

²⁴ Ibid., s. 235.

²⁵ «Z pola walki», 1968, № 2, s. 168. Е. Вятр употребляет также термин «польская форма диктатуры пролетариата». («Wybrane zagadnienia ideologii i polityki PZPR». Warszawa. 1971, s. 80).

²⁶ «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. 1944—1947», s. 148.

²⁷ «Nowe drogi», 1971, № 3, s. 140.

²⁸ «Myśl filozoficzna», 1954, № 2, s. 24.

²⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 132.

³⁰ «Z pola walki», 1966, № 4, s. 27—28.

С. Завадский не приравнивает народно-демократическую власть к диктатуре пролетариата, ибо, по его мнению, политическую революцию первого этапа нельзя отрывать от характера задач, какие она в состоянии решать, от движущих сил революционного процесса, от общей расстановки сил, от классового содержания власти, призванной проводить революционные преобразования.

В. Гура, видимо, не придает сколько-нибудь серьезного значения проблеме формирования политической армии пролетарской революции (так же как и проблеме изменения характера власти)³¹ и не делает выводов о необходимости решения этой задачи, хотя признает, что в первый период существования народной власти «ей не удалось завоевать и даже нейтрализовать подавляющую часть средних слоев, зажиточного, а частично и среднего крестьянства, мелкой буржуазии. Опорой власти и в этих условиях была авангардная часть рабочего класса и его ближайшие союзники: полупролетарские и бедняцкие элементы деревни и небольшие группы радикальной интеллигенции». Этот вывод он основывает на исследовании аграрной политики ППР в 1944—1945 гг., в результате которого он приходит к заключению, что большая часть трудового крестьянства, несмотря на аграрную реформу, довольно долго занимала выжидательную позицию по отношению к народной власти, что его значительная часть неоднократно переходила из одного лагеря в другой (это было особенно характерно для второй половины 1945 г.)³². Кстати сказать, эту точку зрения разделяют и другие польские ученые, занимающиеся исследованием этой проблематики, — Р. Халяба, Н. Коломейчик, Б. Сыздек, В. Важневский и другие³³.

Однако у В. Гуры такая оценка расстановки сил не сопровождается анализом того, как осуществлял польский рабочий класс гегемонию в революции. Он ограничивается констатацией — в качестве решающего фактора развития революции — фактора внешнего, того, что народная власть функционировала «в условиях существования Советского Союза», используя «его политическую, экономическую, дипломатическую, а частично и военную помощь»³⁴. Чрезвычайно важное значение этого фактора признается всеми польскими учеными-марксистами. Они подчеркивают ряд существенных аспектов этой проблемы — роль Красной Армии в спасении польского народа и польской экономики от уничтожения, помощь Советского Союза в восстановлении производительных сил страны. Они указывают, что Красная Армия, уничтожая фашизм, выполнила тем самым «труднейшую задачу, являющуюся условием каждой действительно народной революции», смела реакционнейшую надстройку. Более того, она блокировала и парализовала созданный польскими реакционными и фашистскими силами в подполье государственный аппарат, готовившийся к взятию власти. Как подчеркивал С. Завадский, революционно-демократические преобразования, создание последовательно демократических органов власти были облегчены тем, что Красная Армия «помешала интервенции и попыткам возрождения капиталистического строя, предпринимаемым извне, а также в силу самого факта своего присутствия сковала силы реакции, пытавшейся развязать гражданскую войну». В результате создавались «предпосылки для более постепенного и более мирного перехода к социализму, чем это могло иметь место в условиях Октябрьской революции»³⁵.

³¹ «Państwo i prawo», 1964, № 7, s. 37; «Revolucja i władza ludowa», s. 231—232, 235.

³² W. G ó r a. PPR w walce o podział ziemi obszarnej (1944—1945). Warszawa. 1962. s. 199, 203; «Rewolucja i władza ludowa», s. 209, 236, 241.

³³ R. H a l a b a. Z problemów polityki PPR wobec obozu reakcji i PSL (lipiec 1944—lipiec 1945). «Z pola walki», 1969, № 2, s. 45; N. K o l o m e j c z y k. Rola PPR w kształtowaniu kadry pierwszych budowniczych Polski Ludowej. «Nowe drogi», 1972, № 1, s. 250—251; «Polski ruch robotniczy». Warszawa. 1972, s. 314, и др.

³⁴ «Z pola walki», 1968, № 2, s. 172.

³⁵ «Z pola walki», 1966, № 4, s. 17.

Подчеркивая значение внешнего фактора, большинство польских исследователей отводят, однако, решающую роль внутренним процессам, и прежде всего объединению и сплочению пролетариатом трудящихся масс, подведению их шаг за шагом к решению более сложных задач. Н. Колемейчик справедливо указывает на трудности, связанные с созданием Народного фронта в Польше: значительную поляризацию политических сил и большое влияние реакции, постепенность процесса принятия широкими массами демократической программы народной власти. «Завоевание, сохранение и углубление руководящей роли рабочего класса,— пишет он,— было одним из главных основ стратегии и тактики ППР в годы гитлеровской оккупации и после освобождения... вплоть до объединения с ППС и создания Польской объединенной рабочей партии»³⁶.

Однако если Р. Халяба, Н. Колемейчик, Б. Сыздек и некоторые другие историки принимают во внимание такие факторы, как активная борьба польской буржуазии за гегемонию, подрывная деятельность контрреволюционного подполья, стремившегося развязать в стране гражданскую войну³⁷, тот факт, что пролетариат должен еще был накопить опыт политической борьбы и руководства массами, что он сам должен был в ходе решения демократических задач научиться разбираться в политическом облике других классов и осознать свои особые интересы³⁸, то В. Гура сводит проблему к тому, что органы народной власти с самого начала формировались из представителей последовательно революционно-демократических сил, а «характер власти соответствовал характеру перемен»³⁹, утверждая, что сразу же после установления народной власти были налицо «перемены» социалистического характера.

В. И. Ленин указывал, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, хотя и не ставит перед собой социалистических задач, может быть последовательно осуществлена только теми силами, которые способны идти дальше — к социализму⁴⁰. Он подчеркивал также, что перерастание демократической революции в социалистическую активно стимулируется «сверху», революционной надстройкой. Не менее важным фактором развития революции он считал и ускорение революционного процесса «снизу»: сплочение вокруг пролетариата политической армии социалистической революции, перегруппировку сил на политической арене. Специфика народно-демократической революции в Польше состояла в том, что политический переворот (установление народной власти) по своему классовому содержанию отражал потребности экономического преобразования общества. Но напряженность внутривнутриполитической борьбы была чрезвычайно велика и чревата дальнейшим обострением; революционно-демократические органы власти нуждались в расширении своей массовой базы, гегемония пролетариата — в упрочении.

Политическую армию демократической революции удалось расширить, а активность вооруженного подполья нейтрализовать благодаря созданию правительства национального единства с участием мелкобуржуазных, либерально-крестьянских элементов, что перетянуло значительную часть крестьянства на сторону народной власти. Т. Сероцкий полагает, что моментом, который разрешил проблему: «каков будет

³⁶ «Nowe drogi», 1972, № 1, s. 252, 257; см. также N. K o ł o m e j c z y k. Rewolucje socjalistyczne w krajach Europy Środkowej i Południowo-Wschodniej, ich przebieg i specyfika. Warszawa. 1968, s. 54—55.

³⁷ «Вооруженная борьба, навязанная подпольем, приобретала в некоторых районах страны (особенно в Люблинском, Белостокском и Жешовском воеводствах) черты гражданской войны»,— пишет В. Гура («Rewolucja i władza ludowa», s. 226).

³⁸ См. «Konsepce PPR i PPS w sprawie dróg, metod i form budowy socjalizmu w Polsce (1944—1948)». «Z pola walki», 1971, № 3.

³⁹ «Z pola walki», 1968, № 2, s. 172.

⁴⁰ См. В. И. Л е н и н. ПСС. Т. 10, стр. 13—14.

строй послевоенной Польши — демократически-либеральный или социалистический?» — были выборы в сейм в январе 1947 года⁴¹. Р. Халляба подчеркивает, что победа на выборах положила конец расчетам реакции на то, что можно повернуть вспять развитие революционных событий в Польше, закончила борьбу «за направление развития народно-демократической революции»⁴².

Переворот в политической надстройке отнюдь не был единовременным актом. Прежде всего ППР, которая завоевала существенные позиции в органах власти, не имела в них, однако, большинства и должна была постоянно исходить из реального уровня зрелости своих партнеров. Польская социалистическая партия (ППС), которая в первые годы народной власти не понимала задачи гегемонии рабочего класса и завоевания крестьянства, не ориентировалась на перерастание народно-демократической революции в социалистическую, на перегруппировку сил, на завоевание всех слоев трудящихся и т. д. В еще меньшей степени были к этому готовы крестьянская партия «Стронництво людове» и представлявшее интеллигенцию «Стронництво демократычне». Хотя ППС, СЛ и СД стали в дальнейшем составной частью политических сил социалистической революции, им надо было еще пройти стадию созревания до этой роли, научиться идти за ППР, идти в ней вождя и руководителя, еще более сплотиться вокруг нее. Эти задачи решались в процессе мирного развития революции, подготовки выборов в сейм и борьбы в ходе предвыборной кампании за массы. В период существования правительства национального единства борьба была перенесена на открытую политическую арену.

В. Гура отрицает, что включение в правительство представителей так называемой мелкобуржуазной демократии как-либо изменило характер власти, дало им возможность проводить какую-то иную политику. Он считает, что народная власть уже в момент своего возникновения была диктатурой пролетариата или, как он пишет в другом месте, «определенной разновидностью диктатуры пролетариата»⁴³. В действительности же создание правительства национального единства не могло не вызвать определенные издержки в процессе революционно-демократических преобразований, который зашел к тому времени уже далеко: аграрная реформа, например, была столь последовательно демократической, что не создавала преимуществ для богатого крестьянства. Не удивительно, что политика С. Миколайчика как министра сельского хозяйства была направлена на ее пересмотр и т. д. Равным образом и в промышленности администрация промиколайчиковской ориентации стала стимулировать восстановление прежних отношений, пыталась ускорить возвращение предприятий хозяевам (так называемую реприватизацию). Этот процесс обстоятельно изучен Я. Голембёвским⁴⁴. Попытку реставрации старой надстройки означало поддерживаемое миколайковцами требование восстановления сената в санационной конституции 1935 г. (демократические элементы ориентировались в то время на конституцию 1921 г.).

Вместе с тем создание правительства национального единства позволило ППР успешно реализовать такой курс, при котором гегемония пролетариата обеспечила ускорение перегруппировки политических сил, изоляцию и разгром буржуазно-помещичьей реакции, подход к социалистической революции, к социалистическим задачам. Референдум 30 июня 1946 г. показал, что временный отлив революционной волны при-

⁴¹ «Z pola walki», 1971, № 3.

⁴² «Polski ruch robotniczy», s. 347.

⁴³ «Z pola walki», 1968, № 2, s. 178, 182; «Rewolucja i władza ludowa», s. 223, 235, 236, 245.

⁴⁴ См. J. W. Golebiewski. Nacjonalizacja przemyslu w Polsce. Warszawa. 1965, s. 272—283.

остановлен. Он продемонстрировал способность масс сознательно принять проведенную в области надстройки демократизацию и не допустить возрождения довоенного государственно-правового порядка (в частности, элитарного сената), их готовность защищать революционно-демократические преобразования, принять как итог национального освобождения страны внешнеполитическую концепцию послевоенной Польши в ее новых границах. Был одобрен последовательно демократический характер аграрной реформы, и вопрос о ее пересмотре снят с повестки дня. Как показывают Р. Халяба и В. Важневский, «в это время произошли огромные изменения в расстановке политических сил в пользу демократического блока»⁴⁵.

Курс ППР на расширение демократического фронта, на отрыв левой части буржуазно-демократического лагеря, сужение базы и подрыв позиций реакционного подполья не только полностью оправдал себя, но и подготовил почву для дальнейшей перегруппировки сил, для созревания готовности революционно-демократических сил взять курс на социализм. Попытка лагеря Миколайчика изменить экономическое содержание народно-демократической революции не удалась. Выборы в сейм в январе 1947 г. открыли завершающий период в оформлении политической надстройки. Их результаты позволили закрепить в дополнявшей демократическую конституцию 1921 г. «Малой конституции» характер власти, ее правовое оформление. «Малая конституция» (1947 г.) «по существу, — пишет Р. Халяба, — была юридическим актом, санкционирующим социалистический характер и направление преобразования общественного строя в стране»⁴⁶. Как указывает Т. Сероцкий, «борьба за власть была окончательно завершена, должен был наступить новый, необыкновенно важный период, когда на первое место в деятельности двух важнейших политических партий, ППР и ППС, выдвинулись вопросы, связанные с реализацией программы строительства социализма в Польше»⁴⁷, что составило реальную основу для их последующего объединения. Аналогичной точки зрения придерживается М. Турлейская. «Социализм нельзя строить без сознательного участия людей, без конкретной модели, без выдвижения лозунга строительства социализма, — пишет она. — Поэтому я думаю, что в период ПКНО, а также в последующие годы (до 1948 г.) можно говорить о революционных переменах, имеющих народно-демократический характер»⁴⁸. «Переход от этапа, на котором преобладали революционно-демократические требования, к социалистическому этапу, — пишет С. Завадский, — означает, что народная революция вошла в высшую стадию своего развития, означает переход к диктатуре пролетариата»⁴⁹.

Некоторые авторы делают упор на проблему формы власти, особенно выделяя многопартийность как специфическую черту революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Крупнейшая работа польских ученых по данному вопросу — монография М. Садовского — убедительно показывает причины этого явления: классовая структура общества, политические традиции, значительная политизация масс и прочность идейно-политических традиций различных группировок, особенности формирования политической армии народно-демократической и социалистической революций и т. д.⁵⁰. При этом, на что указывает Б. Сыздек, не только с самого начала было

⁴⁵ R. Hałaba, W. Waźniewski. Polska Partia Robotnicza. 1942—1948. Warszawa. 1972, s. 136.

⁴⁶ «Polski ruch robotniczy», s. 347.

⁴⁷ «Z pola walki», 1971, № 3, s. 116.

⁴⁸ «Polityka», 2.VII.1956, s. 8.

⁴⁹ «Myśl filozoficzna», 1954, № 2, s. 32; см. также «Nowe drogi», 1971, № 3, s. 140.

⁵⁰ См. M. Sadowski. Przemiany społeczne a system partyjny PRL. Warszawa. 1969.

очевидно, что складывающаяся политическая система народной Польши будет многопартийной, но и то, что на начальном этапе ППР ориентировалась на сохранение двух рабочих партий — ППР и ППС. Это было связано с положением внутри рабочего движения, со значительным влиянием ППС в рабочем классе. Роспуск КПП отрицательно повлиял на укрепление в рабочем движении позиций последовательно марксистского крыла, и нужно было время, чтобы ППР смогла существенно расширить свое влияние⁵¹.

В целом первые годы народной власти были годами напряженной и результативной борьбы ППР за укрепление гегемонии пролетариата в народно-демократической революции. ППР смогла обеспечить победу пролетарской линии внутри революционно-демократической диктатуры⁵², сплотить вокруг себя другие революционные силы, создать условия для перехода к социалистическим мероприятиям. Она сумела решить эту задачу в условиях обострения внутреннего противоречия революционно-демократической диктатуры, выразившегося в том, что последовательное осуществление ее программы создавало условия для перерастания революции в социалистическую, но одновременно происходило расслоение ее классовой базы, борьба между социалистическими и иными элементами, которые стремились ограничить размах революции. Упрощение этой проблемы ведет к недооценке исторической заслуги ППР как руководящей и направляющей силы польского народа, обеспечившей его выход на путь строительства социализма, приобретенный ею огромный политический опыт⁵³.

Исследуя различные стороны революционного процесса, развернувшегося в 1944—1948 гг., польские ученые все точнее и полнее определяют его характер, выявляют в нем общие закономерности перехода от капитализма к социализму, его специфику в условиях народной Польши. Глубокое изучение ленинского теоретического наследия помогает им глубже рассмотреть развитие революционного процесса в Польше, помогает убедиться в том, что открытые В. И. Лениным общие закономерности перерастания демократической революции в социалистическую проявились в польских условиях со всей полнотой.

⁵¹ «Z pola walki», 1971, № 3, s. 88.

⁵² В. И. Ленин считал революционно-демократическую диктатуру «началом завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 214).

⁵³ См. «PPR w walce o niepodległość i władzę ludu». Warszawa. 1963. Характеристике идейно-политического и теоретического вклада ППР в определение путей строительства социализма в Польше много места уделено в докладе Э. Герека на VI съезде ЦОРО («Правда», 7.XII.1971).